

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

На первый взгляд, Николай Северцов выглядел как типичный кабинетный ученый — благообразная внешность, окладистая борода, высокий лоб, очки.

Это был действительно преданный науке человек — и отважный путешественник, которого никакие трудности и опасности не могли поколебать в том, что нужно идти дальше и добиваться поставленной цели.

Уроженец Воронежской губернии, Николай Алексеевич Северцов начинал свой путь в науке в родных краях. А затем волею судьбы он оказался в Туркестане.

И первое же его путешествие по этому краю едва не стало последним.

Молодой исследователь был атакован враждебно настроенными жителями Коканда, получил тяжелое ранение и оказался в плену, где в тяжелейших условиях провел больше месяца.

Казалось бы, подобное «приключение» должно было стать пожизненной прививкой от желания исследования и вообще пребывания в Туркестане — в этом непредсказуемом и подчас враждебном крае.

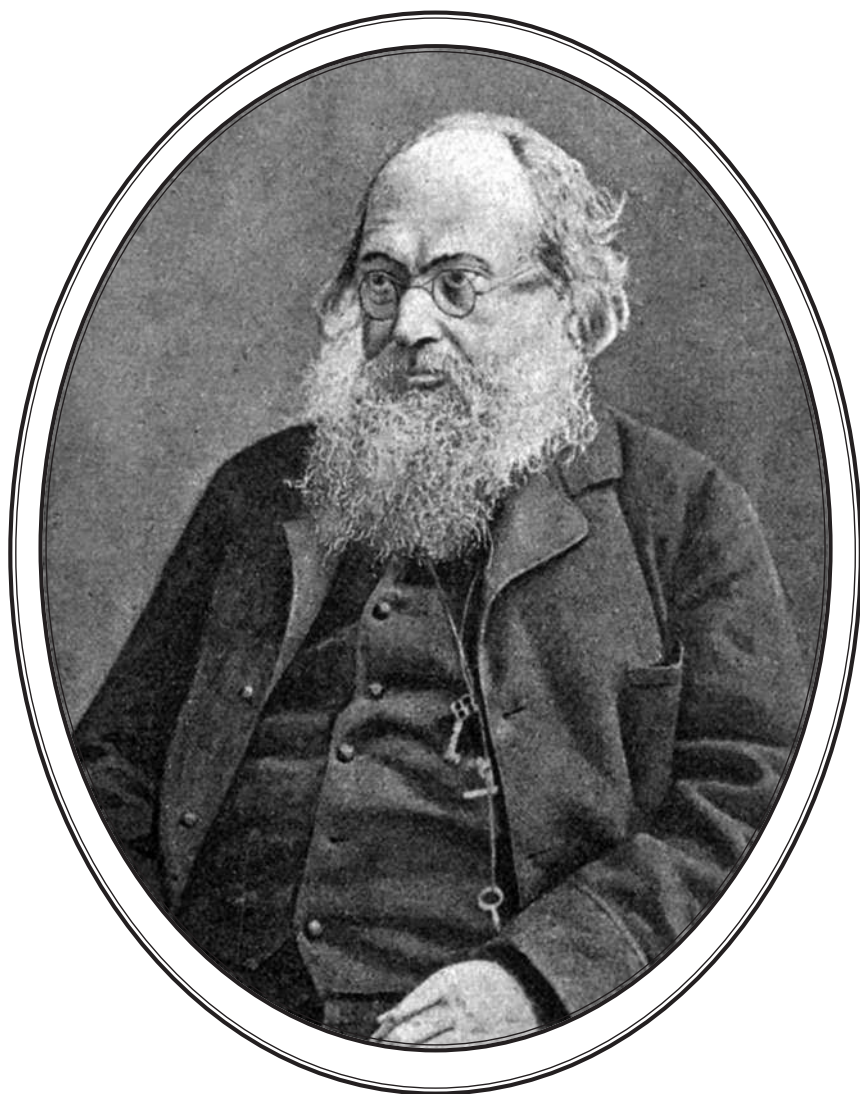
Но Северцов был крепким орешком. После непростого излечения он продолжил свое путешествие — и впоследствии не единожды возвращался в Среднюю Азию.

Экспедиции Николая Северцова по праву признаны одними из самых выдающихся во второй половине XIX столетия. Ученым были исследованы огромные территории, сделаны важнейшие географические открытия, собраны без преувеличения феноменальные по количеству и качеству зоологические, палеонтологические и минералогические коллекции.

Это был эмоциональный, многосторонний, эрудированный человек. Путешественник, для которого экспедиции в неизведанные края были органической, жизненно важной необходимостью. И идеальный ученый.

Идеальный в том плане, что для него познание и открытие было целью и смыслом жизни. Как писал один из коллег Северцова: «...его образ останется вечным памятником бескорыстного служения науке и Отчизне, и пускай, следуя по его стопам, создаются и вырабатываются новые исследователи. Только подобные силы обеспечивают будущее России, ее значение, ее место среди цивилизованных стран земного шара, только подобные ученые обеспечивают будущее науки».

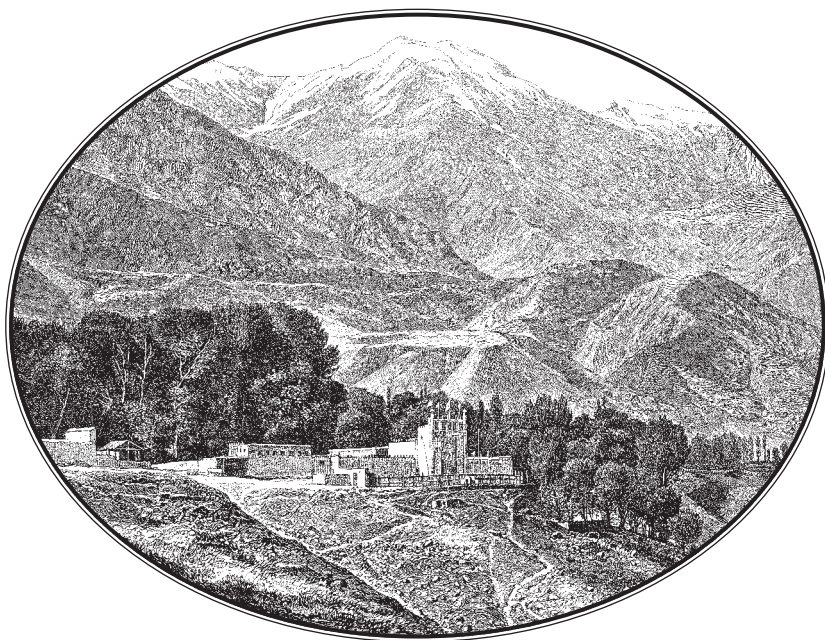

Николай Алексеевич Северцов
(1827—1885)

Н. А. Северцов

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПО ТУРКЕСТАНСКОМУ
КРАЮ

Москва
2017

УДК 910.4(21)
ББК 26.89(5)
С 28

Разработка серии — *И. Пименова*
Биографический очерк — *М. Мензбир*
Оформление переплета — *Е. Вдовиченко*
Дизайн книги — *И. Осипов*

Северцов Н. А.

С 28 Путешествия по Туркестанскому краю / Н. А. Северцов.— М. :
Издательство «Э», 2017.— 448 с. : ил.— (Великие путешествия).

ISBN 978-5-699-89759-9

Экспедиции Николая Алексеевича Северцова (1827–1885), члена-сотрудника Императорского Русского географического общества, признаны одними из самых выдающихся во второй половине XIX века. Во время первого путешествия в Туркестан Северцов чуть не погиб, тяжело раненным попал в плен, где провел около месяца. Был в составе военной экспедиции Черняева, благодаря которой России удалось быстро и относительно легко завоевать обширные среднеазиатские территории Туркестанского края, в том числе взять Ташкент. Огромную помощь в этом путешествии Северцову оказало Русское географическое общество. В течение этих и других экспедиций ученым было осуществлено большое количество наблюдений — зоологических, географических и геологических, набраны богатые коллекции, составлены подробные карты местностей, изучены и описаны формы и классификация рельефа и сделано множество открытий в области зоологии; подобраны и систематизированы исторические сведения о древних путешествиях на Памир.

УДК 910.4(21)

ББК 26.89(5)

ISBN 978-5-699-89759-9

© Тексты, комментарии, оформление.
Издательство «ОКО», 2017
© Иллюстрации, макет, дизайн.
Издательство «Артнет Медиа», 2016
© ООО «Издательство «Э», 2017

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

От Издательства

«Путешествия по Туркестанскому краю» — своего рода итог трех экспедиций Николая Алексеевича Северцова по огромной территории, охватившей Среднюю Азию, Тянь-Шань и Арало-Каспийскую низменность, обширную равнину в Центральной Азии вокруг Аральского моря и северной части Каспия.

В ходе первого путешествия в 1857—1858 годах Северцов отправился в низовья Сырдарьи, чтобы исследовать киргизские степи.

Затем, в 1864 году, Николай Алексеевич подал прошение о прикомандировании его к отряду генерала М. Г. Черняева, начинавшего свой знаменитый Среднеазиатский поход.

Участие в этом походе позволило путешественнику исследовать малоизученные районы между реками Чу и Сырдарьей и проникнуть в западную часть Тянь-Шаня, начиная от западного края озера Иссык-Куль и до оконечности горной системы в Арало-Каспийской низменности.

И, наконец, в 1865—1868 годах при содействии Русского географического общества, Н. А. Северцов исследовал внутренние районы Тянь-Шаня, долины рек Нарын, Ат-Баши и Аксай.

Вернувшись из последней экспедиции, Н. А. Северцов несколько лет занимался обработкой полученных результатов.

Итогом многотрудной кропотливой работы стало первое издание «Путешествия по Туркестанскому краю», которое увидело в свет в 1873 году.

Эта книга сразу стала «географическим бестселлером».

Неслучайно, говоря о труде Северцова, вице-председатель Русского географического общества, знаменитый путешественник и ученый П. П. Семенов-Тянь-Шанский отмечал в одном из писем: «Географические общества Лондона и Парижа и другие спешили знакомить своих сочленов с монументальными исследованиями скромного русского труженика науки. И многие другие иностранные ученые общества почтили его выражением своей признательности за труды по географии в особенности».

СОДЕРЖАНИЕ

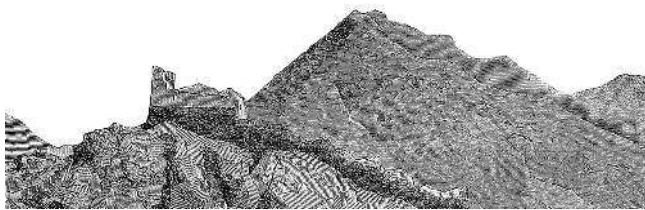
М. А. Мензбир.
Николай Алексеевич Северцов.
Биографический очерк

Научная деятельность Николая Алексеевича продолжалась ровно тридцать лет. От природы склонный изучать интересующие его вопросы со всех сторон, положительно неспособный отнестись к чему-либо поверхностно, Николай Алексеевич не мог быть и не был путешественником в смысле Стэнли и Пржевальского: он был исследователь и при том исследователь глубокий и разносторонний, обладающий массой самых разнообразных сведений.

12

Н. А. Северцов

ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ТУРКЕСТАНСКОМУ КРАЮ

Предисловие автора

Описание одной из моих многих экскурсий помещено здесь для того, чтобы дать читателю понятие и о сыром материале, собранном мной на месте и послужившем для только что упомянутой обработки.

25

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОБЩИЕ ОТЧЕТЫ О ПУТЕШЕСТВИЯХ 1857—1868 гг.

Глава первая.

Экспедиция 1857—1858 годов на низовья Сырдарьи

28

Задача и начало экспедиции.— Восточный берег Аральского моря, следы усыхания.— Поход по Джаныдарье. Зимние и весенние наблюдения на нижнем Сыре и в Каракумах.— Экскурсия на Дарьялык и в Голодную степь.— Обратный путь по Сыру, возвращение в Оренбург.— Результаты экспедиции.

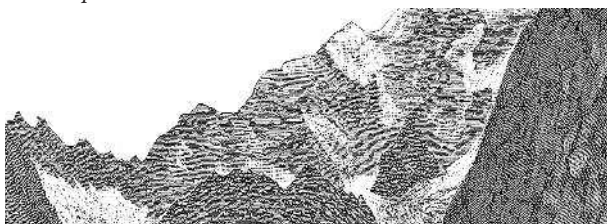
Глава вторая.

Экспедиция при походах генерала Черняева между Чу и Сырдарьей в 1864 г.

Выход из Кастека. — Кастекское ущелье, перевал, растительность. — Следы древних ледников. — Каракиргизы, Александровский хребет. — Экспедиция в горы из укрепления Мерке. — Горы Ча-арча. — Продольная долина Кара-кыштака. — Северная подошва Киргизнын Ала-Тоо. — Водораздел Чу и Таласа; долина Таласа. — Путь из Аулие-ата в Кара-буре. — Пределы разных деревьев в Уртак-тау. — Карабурунский перевал и долина Кара-кыс-пака. — Верхняя долина Чаткала. — Наманганский хребет. — Дорога в Чимкент. — Аса. — Куюк. — Древний Мын-булак Сюань-изана. — Река Терса. — Долина Арыса. — Долина Бугуни и горы Каратау. — Горы Казы-курт. — Хлопок к югу от Арыса. — Окрестности Ташкента. — Общий вид туркестанских городов. 37

Глава третья.

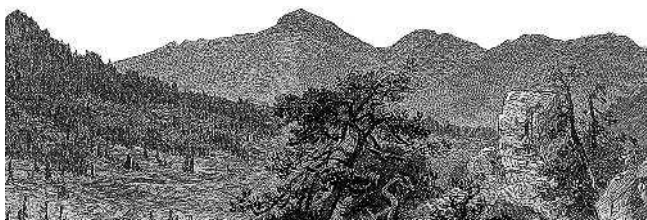
Туркестанская ученая экспедиция 1868—1885 гг.

75 Цель и состав экспедиции. — Переезд через киргизскую степь — Экспедиция на Каратау. — Каменный уголь, руды, окаменелости у Батпак-су и Турланского прохода. — Верховья Бугуни, каменный уголь. — Углистые сланцы у Боролдая. — Золотоносная формация на р. Куркуреу и у Чирчика. — Следы ледникового периода. — Дикая рожь на Каратау. — Зоологический сбор в Каратау, в Верном и у Чатыр-куля. — Поездка на верхний Нарын, Ат-Башу и Аксай. — Экспедиции и наблюдения в Ташкенте и Ходженте.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПУТЕШЕСТВИЕ НА НАРЫН И АКСАЙ И ИССЛЕДОВАНИЕ ВЫСОКИХ СЫРТОВ ТЯНЬ-ШАНЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Глава первая

От Верного до Ак-су. Заилийский Алатау

Снег в горах. — Казачьи поселения у Заилийского Алатау, казачий быт и нравы. — Птицы и растительность ущелья Тургени. — Порфиновый хребет Караитык-джатасы; следы прежних ледников. — Долина Ассы. — Перевал Каратай-булак. — Марал. — Бородачи и кумаи. — Улар. — Железная руда. — Долина Джанышке. — Киргизский аул. — Кулики-серпоклювы. — Река Чилик. — Плоскогорье Джаланаиш. — Уч-Мерке. — Долина Кегена. — Перевал Санташ, грифы и их нравы. — Кызыл-кия, Джиргалан. — Аксуйский пост. 103

Глава вторая

От Ак-су до перевала Барскаун.
Иссык-Куль и Терской Ала-Тоо

140

Следы прежних ледников на Ак-су.— Терской-Ала-тау.— Ургачар, признаки каменного угля.— Кьюыл-су, киргизское железное производство, пашни.— Иссык-кульский климат.— Фазаны у Иссык-Куля.— Скопления валунов и озерные осадки.— Река Барскаун, начало съемки, ущелье, зоологическое открытие.

Глава третья

Верхненарынский сырт

Топография вершин Нарына.— Малоснежность сырта, высота вечных снегов.— Вид сырта.— Тянь-шаньский медведь.— Сыртовые птицы.— Долина Нарына и прибрежные хребты.— Кабаны.— Верхняя граница ели и можжевельник у Нарына.— Значение сырта для каракиргизов, зависимость их междоусобий от постоянных топографических условий.— Подъем на перевал к Ат-Баши.— Первые следы качкара.

163

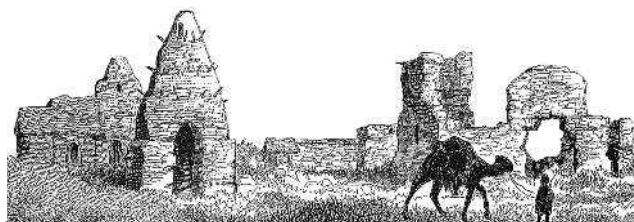
Глава четвертая

Ат-Баши и Аксай

192

Ущелье южного Улана.— Большие проталины у вечных снегов.— Трудный овраг Байбиче-сай.— Озерные осадки.— Медведи, их распространение на Тянь-Шане.— Верхняя долина Ат-Баши.— Тас-асу, перевал к Аксаю.— Вид аксайского сырта.— Качкар, его нравы и распространение.— Первый добытый качкар, охота за ними.— Река Аксай.— Горы Кок-кия.— Горы Бос-адыр.— Аксайские рыбы и птицы.— Обратный путь, горы Уурмень-чеку; ошибочность присвоения собственно им названия Тянь-Шаня.— Вид с аксайского сырта на Теректы и Чатыр-куль.— Тэки с гор Кок-кия.

Глава пятая

Долина Чон-бурунды

Ущелье Ат-Баши.— Потеря верблюда.— Следы кочевков Умбет-алы.— Вид долины.— Ельники и их фауна.— Клесты.— Кабаны.— Рыбы.— Горы Мышат.— Горы Уурмень-чеку.— Ущелье Чар-карытма.— Известие о конце бунта Умбет-алы.— Рекогносцировка к Малому Нарыну.

232

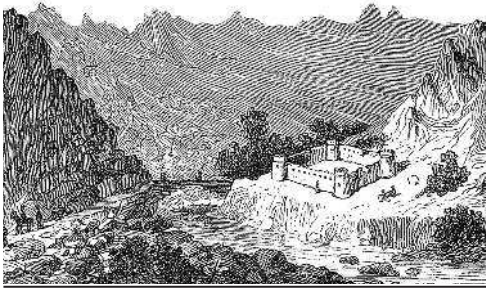
Глава шестая

Средний Нарын и Оттук

253

Земледелие у Нарына и Ат-Баши, удобство долины последней для русского населения. — Долина Нарына у бывшего китайского моста. — Озерные осадки у Нарына, Ат-Баши и Аксяя. — Броды на Нарыне. — Бывший китайский мост и возможность его возобновления. — Луговая долина Сары-булака. — Хребет между Ат-Баши и Нарыном. — Степные животные у Нарына. — Путь к Оттуку, следы бывших озер. — Посольство от Умбет-алы. — Восстановление спокойствия на Тянь-Шане. — Дувана. — Торговля Кашгара с каракиргизами. — Орография хребтов у Оттука и Он-арчи. — Горная долина Оттука. — Встреча с Умбет-алой. — Яки на Тянь-Шане.

Глава седьмая

От вершины Оттука до Токмака,
через Джуванарыкское
и Буамское ущелья

Перевал Долон-бель. — Дорога к Караходжур. — Общие условия распределения снега и роста ели на Тянь-Шане. — Условия возобновления вырубленного леса. — Вид караходжурской долины. — Ее удобства для каракиргизов. — Замечательный геологический разрез по Оттуку, Караходжур и Джуван-арыку. — Ущелье Джуван-арыка, следы прежних ледников. — Охота за тэками. — Аулы в ущелье. — Поперечный ряд седловин на всех тянь-шаньских хребтах близ меридиана западного конца Иссък-Куля. — Горы между долиной Качкары и Иссък-Кулем, первые прорывы Чу. — Дорога по Буамскому ущелью. — Занятия в Токмаке, зоологические наблюдения. — Научные результаты путешествия.

283

Н. А. Северцов

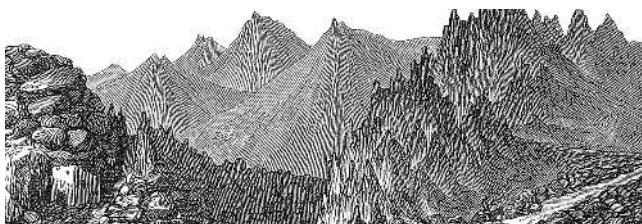
МЕСЯЦ ПЛЕНА У КОКАНДЦЕВ

Предисловие

313

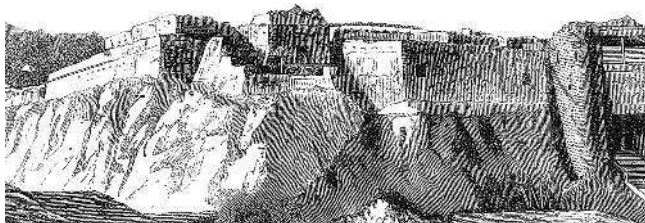
Кокандцы — жители Коканда. Где же Коканд? Что это такое? Вот вопросы, которые я часто слышал от будущих читателей.

Глава I

Местоположение Форта Перовский. — Дорога в Коканд. —
Экскурсия к Джулеку. — Весна на Сырдарье.

317

Глава II

336

Приезд дацанова брата. — Жажда. — Допрос. —
Объяснения нападения. — Дацан.

Глава III

Свобода. — Балыкбай. — Шодырь. — Обратный путь. —
Кокандцы под Яны-Курганом.

389

Приложение

М. А. Лялина

ПУТЕШЕСТВИЕ В КОКАНДСКОЕ ХАНСТВО
АЛЕКСЕЯ ПАВЛОВИЧА ФЕДЧЕНКО

Глава I

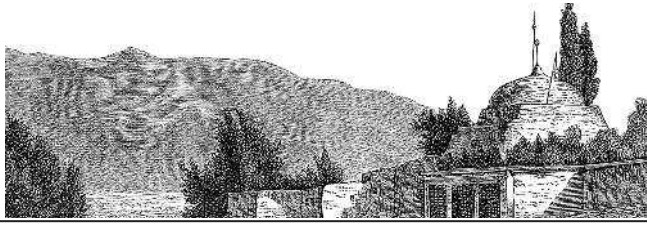
Цели путешествия
и приготовления к нему

В 1871 г., когда А. П. Федченко предпринял свое путешествие в Коканд, это ханство занимало все же еще довольно значительную часть Туркестана, а именно ту, которая ныне занята Ферганской областью и для краткости часто называется Ферганой. Часть эта оставалась до путешествия Федченко почти совершенно не исследованной: не были известны ни природа страны, ни строение земной поверхности. Фергана оставалась значительным пробелом между странами уже более или менее исследованными.

399

Глава II

Ходжент

403

Ходжент, действительно, составляет своего рода выходные и входные ворота в ферганскую котловину. С другой стороны, он точно также служит ключом с востока к Бухарскому ханству.

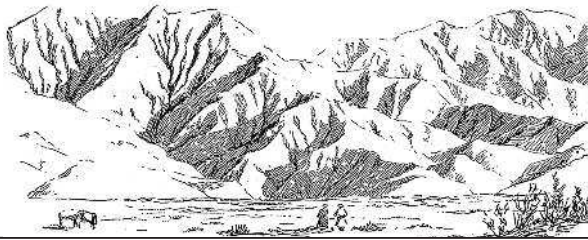
Наконец, путешественники прибыли в Коканд, обнесенный, как и другие города Туркестана, зубчатой глиняной стеной.

Глава III

Коканд

411

Глава IV.

От Коканда в Исфару
и к леднику Щуровского

419

Предполагалось посетить истоки реки Исфары и оттуда, если можно, пробраться на Заравшанский ледник.

Глава V

От Шахимардана в Уч-Курган

Шахимардан лежит при слиянии двух рек, Аксу и Карасу, в месте соединения двух долин, продольной и поперечной.

427

Глава VI.

В Алай

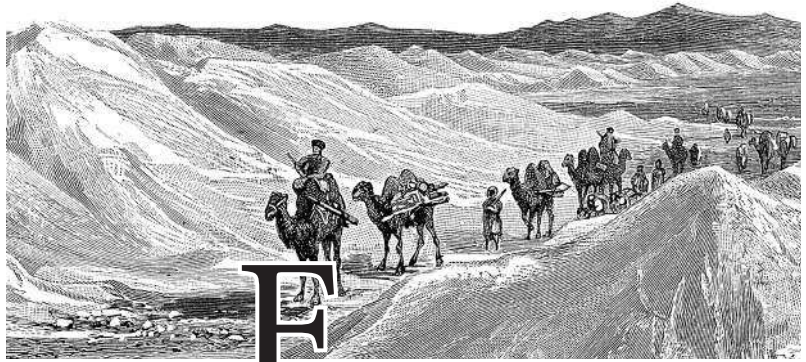

433

«Я утешаю себя мыслью, что поездка на Алай не осталась без результатов. Мне удалось выяснить орографию страны, лежащей к югу от долины Ферганы. Прежние сведения были весьма смутны...»

М. А. МЕНЗБИР

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ СЕВЕРЦОВ
Биографический очерк

Едва несколько месяцев прошло с тех пор, как телеграф принес тяжелую весть о последовавшей в ночь с 27 на 28 января кончине Н. А. Северцова. Целый ряд случайностей, вместе с некоторыми особенностями по существу весьма крепкого организма, привел к ужасной катастрофе в то время, когда ее можно было опасаться менее чем когда-либо, и безвозвратно отнял у науки и России одного из самых талантливых и энергичных представителей. Горячность, с которой русское общество отнеслось к этому известию, ясно показывает, что значение покойного было давно оценено по заслугам. Хотя в силу самой деятельности Н. А. Северцова печать упоминала о нем далеко не особенно часто, хотя сам Северцов был положительно не способен сделать что-нибудь для расширения своей популярности, тем не менее, его хорошо знали все те, кому дороги интересы науки и России, и для них смерть Северцова не могла пройти незаметно. Надо ли после этого говорить о той глубокой скорби, которая царит в семье покойного и среди близких ему людей? Чувство пустоты, вызванное здесь смертью того, с кем проведены годы, кого любили как человека и уважали как ученого, не умеряется даже постоянными воспоминаниями о его богатой событиями жизни, о его замечательно цельной, блестяще одаренной и глубоко впечатлительной натуре. Сознание, что дорогая жизнь вырвана напрасно, что последнее слово могучего мыслителя не было сказано, легло густою тенью на все эти воспоминания и не позволяет искать утешения в том, что им сделано.

Научная деятельность Николая Алексеевича продолжалась ровно тридцать лет, если считать с выхода в свет его первого сочинения — магистерской диссертации, озаглавленной «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии», и в это время он, не щадя своих сил и средств, то исследовал Киргизские степи и Арало-каспийские пустыни, то поднимался на горные хребты Тянь-Шаня, то, наконец, изучал плоскогорья Памира. Для Тянь-Шаня отказался Северцов от кафедры, для Тянь-Шаня же принял участие в туркестанском походе генерала Черняева, в течение которого ему приходилось исполнять в высшей степени трудные и опасные поручения. От природы склонный изучать интересующие его вопросы со всех сторон, положительно неспособный отнестись к чему-либо поверхностно, Николай Алексеевич не мог быть и не был путешественником в смысле Стэнли и Пржевальского: он был исследователь и при том исследователь глубокий и разносторонний, обладающий массой самых разнообразных сведений. Но из этого не следует, что Николай Алексеевич

не интересовался ничем кроме своих исследований: совершенно напротив, его интересовало все стоящее хоть какого-либо внимания, и его суждения в самых разнообразных случаях отличались настолько же глубиной мысли и верностью взгляда, насколько смелостью и оригинальностью. Все сказанное, конечно, проглядывает в статьях и специальных работах покойного, но чтобы составить хоть сколько-нибудь определенное суждение о его личности, надо было сойтись с ним. Только при таком условии можно было убедиться, как много оставалось в нем детской простоты и наивности, как далек он был от всякого мелкого тщеславия. Хорошо зная Северцова лично, я, не колеблясь, утверждаю, что, издавая свои работы, он думал не о том, чтобы высказать что-нибудь первым, но чтобы другой после него не мог уже сказать о том же многого. Этим и объясняется, почему после смерти Северцова в его портфеле осталось в неоконченном виде несколько самых важных его работ, и даже только материалы для некоторых из них. Крайняя добросовестность, страстное стремление открыть истину, вместе со сложностью затронутых им вопросов, требовали длинного ряда многолетних исследований, и в то время, когда последние подходили к концу, когда все сложившееся в мыслях отважного путешественника должно было получить окончательную формулировку, напрасная смерть решила иначе. Пускай все оставшееся после смерти Северцова будет издано, пускай все его материалы найдут надлежащее применение, кто нам поручится, что этим исчерпывается запас приобретенных им сведений, что немногие там и сям разбросанные заметки не разрослись бы в новые драгоценные работы? Вот почему каждый раз, как мы подходим к смерти Северцова, в нас пробуждается не только чувство личной скорби по умершему, но и чувство глубокого сожаления безвременной пресекшейся жизни ученого, вступившего в полный расцвет своих умственных сил.

Конечно, эти строки слишком бледны для того, чтобы охарактеризовать личность Н. А. Северцова. Время, протекшее с его кончины, слишком непродолжительно для того, чтобы можно было попытаться составить его более или менее полную биографию. Но биографический очерк с общей оценкой его ученых трудов будет во всяком случае совершенно своевременен, т. к. несомненно многие хотят ближе узнать этого выдающегося научного деятеля, основательнее познакомиться с его значением, его прошлым. Пускай же следующие страницы хоть до известной степени будут на это пригодны.

Северцов принадлежит к совсем иной эпохе, нежели наша, и начал работать с такой прекрасной подготовкой, о которой мы не имеем понятия. Он превосходно знал литературу, свободно говорил и писал на французском, немецком и английском языках, хорошо владел латинским и мог с ранних лет приняться за изучение интересующего его предмета. Правда, в семье он не нашел ни тени сочувствия своим занятиям, но зато сближение с профессором К. Ф. Рулье и знакомство с нашим известным натуралистом путешественником Г. С. Карелиным было достаточным толчком для того, чтобы Северцов не отказался от своих намерений, не смотря ни на какие препятствия. Слова профессора Рулье, что всестороннее исследование ничтожного клочка болота достойно первого ученого в свете, глубоко запали в душу молодого Северцова, и еще находясь на университетской скамье, он начинает исследование своей родной Воронежской губернии, т. е. местности, где не было никого со времени Гмелина, задавшись целью — проследить влияние различных условий на периодические явления животной жизни, что послужило материалом для его магистерской диссертации, озаглавленной «Периодические явления в жизни зверей, птиц и гадов Воронежской губернии». Этой работой и открывается первый период деятельности нашего

ученого, закончившийся в начале шестидесятых годов. В настоящее время это первое произведение Северцова, став библиографической редкостью, мало кому доступно и редко цитируется. С другой стороны, в нем, конечно, много таких выводов, от которых и сам автор их давно отказался; тем не менее оно и до сих пор полно высочайшего научного интереса, а по собранным в нем наблюдениям превосходит все появившееся в таком же роде после него. Впрочем, следующие строки академика А. Ф. Миддендорфа, заимствованные из его отчета о названном сочинении, представленного комиссии по присуждению Демидовских премий, достаточно укажут на значение этого сочинения. «Мы далеки от того, — говорит г. Миддендорф, — чтобы ставить труд отдельного молодого естествоиспытателя, результат только девятилетних, да и то нередко прерывавшихся наблюдений, относительно полноты в один ряд с такими, например, как труды Науманнов. Им предшествовал целый сонм пытливых наблюдателей и они сами трудились на основании наследственно, через многие поколения к ним перешедших преданий, на одном и том же самом поле наблюдения.

Это впрочем вполне сознает и сам автор. Но за всем тем мы, по справедливости, можем желать естествоведам Германии, чтобы вскоре вышел в свет немецкий перевод сочинения г. Северцова, потому что чрезвычайно много зависит от той методы, по которой производятся наблюдения: она как бы открывает собою новую колею, по которой можно дойти до важных открытий; и я со своей стороны сознаюсь, что в последнее время тщетно искал такого труда, который бы хотя приблизительно столь пристально удерживал в виду одну из конечных целей зоологической географии, как разбираемое здесь сочинение. «Особенного внимания заслуживает тот отдел сочинения, который относится к линянью и к сопряженным с ним изменениям цвета. В нем собрано обильное сокровище дельных наблюдений. Но мы не можем войти здесь в его рассмотрение, потому что это завлекло бы нас в такие частности, которые были бы неуместны в нашем разборе. Достаточно будет намекнуть, что и в этой трудной главе автор не уклонился от путеводной мысли всего сочинения — внутренней связи явлений животной жизни с климатическими отношениями страны. Конечно, по самому существу дела здесь должно встречаться более проблематического, чем в начале сочинения. Тем более затронутые Северцовым любопытные вопросы должны подстрекать к конечному их разрешению, и нельзя не признать в этом отношении заслуги автора».

В немецком переводе сочинение Северцова не появилось, не было сделано даже выдержки из него, что совершенно понятно при тогдашнем отношении западно-европейских ученых к молодой русской науке; но сам автор неустанно продолжал

Золотая медаль лауреата Демидовской премии

свою работу, только на этот раз остановился более на связи между естественной классификацией животных и их географическим распределением.

В то время в науке господствовала теория постоянства видов, прямому влиянию физико-географических условий на организм придавали чересчур большое значение и не велико было число людей, подобно профессору Рулье, излагавших взгляды, сходные с взглядами побежденного Этьена Жоффруа Сент-Илера, а не победившего Кювье. Факты были несомненно на стороне последнего, наука была забыта, но, благодаря Рулье, Северцов, уже в те годы обнаруживший замечательную способность к обобщениям, постепенно пришел к убеждению, что виды изменяются, хотя и предельно, и большую часть своих работ направил на выяснение того, под влиянием чего совершаются эти изменения. Особенно ясно сформулированы Северцовым его взгляды того периода в статье об изменениях кошек, статье, служившей введением в полную монографию этой группы и начавшей выходить в почтенном журнале «Revue et Magazine de Zoologie», но уже в то время, когда эта статья заканчивалась, в уме ее автора начали появляться сомнения в справедливости его выводов или, лучше сказать, эти выводы не вполне его удовлетворяли, и статья осталась незаконченной. Что же касается полной монографии кошек, то позднее она была совсем закончена и не напечатана только по чисто внешним условиям, но в последние годы своей жизни Северцов не раз выражал удовольствие по поводу того, что за окончанием первой статьи и ненапечатанием второй в печать не проникли те его взгляды, от которых позднее ему пришлось бы самому отказаться. Впрочем, преследуя познание истины, Северцов позднее не только отказался от многого, высказанного им в молодости, но даже первый указывал ошибочность тех или других из своих выводов. Так, познакомившись основательнее с животными европейско-азиатского материка, их образом жизни и их зависимостью от среды, он при первом же случае указал на ошибочность своих суждений о прямом влиянии на животных средних температур.

Вероятно, некоторые из наших читателей еще помнят, какое тяжелое впечатление произвело на общество известие, что Северцов взят в плен. Случилось это очень просто: он заехал слишком далеко вглубь страны и, благодаря трусости казаков, остался один среди кокандцев, которые, будучи озлоблены смертью одного из своих, едва не убили отважного путешественника. Вмешательство более благоразумных спасло Северцова от смерти, но страшно израненный, проколотый пикой, которой его сняли с лошади, изрубленный шашкой, он был отведен в плен, из которого и освобожден только некоторое время спустя, благодаря демонстрации, сделанной для его освобождения русскими войсками. Избавившись от плена,

Александр Федорович Миддендорф
(1815—1894)

Российский географ, путешественник, зоолог, ботаник и натуралист, академик и непреходящий секретарь Петербургской академии наук. Основатель науки мерзлотоведения.